

РЕЦЕНЗИИ

УДК 341

На рубежах позитивистского взгляда на международное право*

К. Д. Шестакова, Д. С. Сечин

Для цитирования: Шестакова К. Д., Сечин Д. С. На рубежах позитивистского взгляда на международное право // Правоведение. 2022. Т. 66, № 3. С. 347–354.
<https://doi.org/10.21638/spbu25.2022.308>

Написание рецензии на книгу учителя и научного руководителя представляет собой непростую задачу¹, тем не менее мы с интересом и азартом за нее взялись по трем следующим причинам.

Во-первых, междисциплинарные исследования международного права в российской и русскоязычной правовой доктрине до сих пор представляют весьма малочисленную группу². Тем особенно ценна новая книга профессора Л. Н. Галенской «Правовое регулирование транснациональных отношений», которая представляет собой редкую попытку переосмыслить международное право, — и частное, и публичное, — с использованием методов и гипотез смежной социогуманитарной науки — теории международных отношений. Здесь следует оговориться, что теория транснационального права как права, формирующегося и существующего в условиях плюрализма — множества сообществ и акторов — вне зависимости от государств и их территориальных границ, является отдельным объектом меж-

Шестакова Ксения Дмитриевна — канд. юрид. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; k.shestakova@spbu.ru

Сечин Даниил Сергеевич — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; d.sechin@spbu.ru

* Рец. на книгу Л. Н. Галенской «Правовое регулирование транснациональных отношений». СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2022. 316 с.

¹ К. Д. Шестаковой посчастливилось слушать лекции Л. Н. Галенской в ходе обучения по программам бакалавриата и магистратуры Санкт-Петербургского государственного университета, Л. Н. Галенская также была научным руководителем К. Д. Шестаковой в аспирантуре.

² См., напр.: *Антонцева В. А.* Международные организации как акторы современных международных отношений // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2019. № 7–1. С. 87–90.

дисциплинарных исследований по праву, социологии или антропологии³. Однако, поскольку Л. Н. Галенская в своей книге фокусируется строго на применении методов и гипотез теории международных отношений к транснациональному праву, рецензенты следуют избранному ей подходу.

Во-вторых, в своем исследовании Людмила Никифоровна отходит от традиционного для юридической науки деления права на частное и публичное, которое опосредует лишь два вида общественных отношений собственно частноправовые и публично-правовые, или государственные, обращаясь к широкому пониманию международных отношений, свойственному теории международных отношений. Такой взгляд, как признается сама автор, ссылаясь на работы из XIX в., не является новым для науки (с. 7). Определенные попытки исследовать исторически объективно формирующиеся транснациональные отношения предпринимались уже в XX в. (с. 18–19). Однако Л. Н. Галенская одной из первых в русскоязычной международно-правовой науке подробно теоретически осмысляет и выводит альтернативное деление международных отношений на политические (с. 11), которые регулируются международным публичным правом, и экономические (с. 12), которые регулируются правом транснациональным, и подробно систематизирует правовое регулирование транснациональных отношений.

В-третьих, «Правовое регулирование транснациональных отношений», несомненно, представляет собой обобщение и систематизацию предыдущих исследований профессора Л. Н. Галенской, посвященных как фундаментальным, так и самым спорным вопросам международного права, таким как действие основных принципов международного права в частном праве⁴, статус частных лиц⁵, право убежища⁶, международная борьба с преступностью⁷ и др. Многолетнее оттачивание аргументации в процессе подготовки и чтения лекций по международному частному праву для студентов разного уровня обучения и собственная научная работа плавно и закономерно подвели Л. Н. Галенскую к исследованию транснационального права. Присущие автору широкая эрудированность, нестандартность постановки проблем и доходчивая манера изложения материала сделали книгу простой для чтения и восприятия, одновременно заставив читателей задуматься над отдельными аргументами и выводами. Некоторые из наших размышлений мы бы хотели вынести на дальнейшее обсуждение.

Междисциплинарный подход

Бесспорным достоинством исследования выступает то, что Людмила Никифоровна действует прежде всего как юрист, используя категории теории международных отношений для решения классических для международного права проблем. Зачастую подобные проекты предпринимаются прежде всего представителями теории международных отношений, чьи подходы во многом доминируют в таких междисциплинарных исследованиях над собственно юридическими, часто

³ См., напр.: *Cotterrel R. What is Transnational law? // Law & Social Inquiry. 2012. Vol. 37, no. 2. P. 521.*

⁴ *Галенская Л. Н. Действие общих принципов международного права в сфере международного частного права // Журнал международного частного права. 1995. № 4. С. 3–11.*

⁵ *Галенская Л. Н. Правовое положение иностранцев в СССР. М.: Международные отношения, 1982. 160 с.*

⁶ *Галенская Л. Н. Право убежища: международно-правовые вопросы. Л.: Международные отношения, 1968. 128 с.*

⁷ *Галенская Л. Н. Международная борьба с преступностью. М.: Международные отношения, 1972. 176 с.*

сводя междисциплинарность к вопросу о месте и роли международного права в международных отношениях⁸. Вместо этого Л. Н. Галенская вводит категорию «принципы международного права» и делит их на несколько категорий. В одну из них попадают те принципы, которые характеризуются свойством императивности (с. 42). Тем самым, на наш взгляд, эти принципы выступают в качестве ограничителей, своеобразных красных флажков не только для субъектов, создающих/толкующих/применяющих право, но и имплицитно являются обязательными для властных акторов, принимающих решения, обеспечивая, чтобы их решения были правовыми.

Используя методы и инструменты теории международных отношений, Л. Н. Галенская выводит существование транснационального права из двух основных посылок. Во-первых, из характера фактических отношений, в которые вступают невластные субъекты. Поскольку такие субъекты вступают в транснациональные отношения, для них требуется «новый» правопорядок (с. 7). Во-вторых, фактически не только властные субъекты сами регулируют международные политические отношения, но и невластные субъекты осуществляют саморегулирование транснациональных отношений. Следовательно, в рамках теории транснационального права требуется осмысление принципов и пределов такого саморегулирования.

Имея общий объект исследования — международные отношения, — исследователи международных отношений смотрят на него иначе, нежели юристы. Первые преимущественно интересуются субъектами, уполномоченными создавать/толковать/применять нормы права, а также источниками права. Вторые фокусируются на наделенных властью акторах, их поведении и способности принимать легитимные решения. Такие решения, в свою очередь, могут приобретать форму права. Следовательно, теоретические сферы международных отношений и права пересекаются в структуре исследования в нескольких основных точках: субъекты соотносятся с акторами, источники — с легитимными решениями акторов, а принуждение — с обладанием и использованием власти. Мы посвятим отдельные параграфы рецензии каждому из этих ключевых моментов.

Субъекты транснационального права

Описывая историю развития международного права и объективного формирования транснационального права, Л. Н. Галенская указывает, что «на современном этапе в межгосударственном праве с 1945 г. изменилось количество его субъектов благодаря распаду колониальной системы и появлению большого числа новых независимых государств, что привело к превращению международного права во всемирное, универсальное, но не изменило качественной характеристики этого права, которое по-прежнему остается правом межгосударственным» (с. 37).

Принимая данное утверждение за аксиому, Людмила Никифоровна делает вывод о том, что классический позитивистский взгляд на международное право как особый правопорядок не позволяет признать «частичный» статус субъектов и включить в объект его регулирования взаимодействия «горизонтальные» отношения невластных субъектов или «координационные» отношения властных и невластных субъектов (с. 8–9). Следовательно, Л. Н. Галенская предлагает отдельный правопорядок «транснационального права» и выделяет «вертикальные» отношения властных, классических субъектов международного права в отдельный правопорядок «международное публичное право». Таким образом, Л. Н. Галенская

⁸ *Bianchi A. International law theories: An inquiry into different ways of thinking. Oxford University Press, 2016. P. 110–134.*

весьма элегантно и неординарно решает проблемы «размытия» субъектов международного права, являющиеся предметом критики в доктрине⁹. В частности, вступая в экономические отношения, непризнанные государства, не являясь субъектами международного публичного права, становятся субъектами транснационального права. Вопрос признания при этом остается вопросом исключительной компетенции международного публичного права (с. 76).

Вполне принимая приведенную логику рассуждений, мы тем не менее полагаем, что стройность аргументации только выиграла бы от более детального раскрытия тезиса о том, что современное международное право все еще сохраняет межгосударственный характер. Правильно ли мы понимаем, что, на взгляд автора, международное публичное право все еще остается межгосударственным, тем не менее сфера исключительной компетенции государств в международных отношениях сужается в связи с активным развитием права транснационального? Насколько эти два правопорядка связаны или ограничены друг другом?

Транснациональное право: источники и автономность правопорядка

Транснациональное право, как отдельный правопорядок, очевидно, имеет собственные источники. Проводя скрупулезный анализ источников, Людмила Никифоровна включает в их число как традиционные для международного права источники: международные договоры, обычаи, в том числе и торговые обычаи, принципы права, акты международных организаций и судебные решения, так и новые, как, например, контракт между сторонами и трансграничные административные соглашения. Людмила Никифоровна также демонстрирует особенности их формирования и действия в транснациональном праве. В этой части следующие два аспекта теории могли бы, на наш взгляд, получить дальнейшее развитие.

Во-первых, анализируя акты международных конференций, Л. Н. Галенская указывает на дискуссионность вопроса о нормативном статусе подобных актов и приходит к выводу о необходимости жесткого закрепления данных источников мягкого права в том или ином правопорядке (с. 234). Однако с точки зрения теории международных отношений роль данных источников заключается не только в регулировании поведения акторов, но и в согласовании их намерений и целей¹⁰. Следовательно, возможно ли, опять обратившись к теории международных отношений, рассматривать акты международных организаций как нормы «мягкого» транснационального права в контексте принципа саморегулирования, а не только как один из потенциальных видов источников?

Во-вторых, для определения источников транснационального права Л. Н. Галенская фактически использует метод, который заключается в перечислении свойств и характеристик исследуемого объекта. При этом она ограничивается широким позитивистским пониманием источников как формы выражения норм права (с. 219). Такой метод, по нашему мнению, не всегда позволяет с уверенностью отнести те или иные источники к категории транснационального или международного публичного права. В частности, в ходе обсуждения у авторов рецензии возник вопрос о том, будут ли, например, учредительные соглашения

⁹ См., напр.: *Международное право: учебник* / отв. ред. В. И. Кузнецов, Б. Р. Тузмухамедов. 3-е изд., перераб. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 101–110.

¹⁰ *Hillgenberg H. A fresh look at soft law // European Journal of International Law. 1999. Т. 10, № 3. P. 501.*

Европейского Союза или Договор о нераспространении ядерного оружия частью транснационального права или же исключительно международного публичного права?

Отсутствие очевидного критерия, которого можно было бы придерживаться при отнесении конкретного соглашения к тому или иному правопорядку, делает границу между международным публичным правом в части регулирования публичных отношений и транснациональным правом несколько размытой, тогда как, согласно авторской схеме (с. 22), такое различие представляется явным. Л. Н. Галенская приводит перечень объектов регулирования, которые исключаются из транснационального права: например, вопросы применения силы, вопросы, связанные с территорией государства, и иные вопросы, вытекающие из суверенитета как свойства государства и входящие в его «исключительную» компетенцию (с. 22). При этом перечень «отраслей», которые можно выделить в транснациональном праве, открыт, туда включаются торговое, семейное, спортивное, наследственное право и некоторые иные (с. 20). Следовательно, является ли транснациональное право автономным или полуавтономным порядком и как оно взаимодействует с международным публичным правом, в том числе в части публичного транснационального права?

В-третьих, трансграничные административные соглашения и контракты как источники транснационального права основываются на принципе саморегулирования, согласно которому стороны могут выбирать не только содержание, но и форму новых правовых актов. В этой связи логически возникает вопрос о потенциале принципа саморегулирования: подразумевает ли он безграничные возможности для создания новых источников права в рамках, установленных на с. 21, или же приведенный перечень источников является исчерпывающим и система достигла своего логического предела?

Принуждение в транснациональном праве

Вопрос о принуждении Людмила Никифоровна рассматривает в строго юридическом ключе, включая в главу 5 широкий спектр принудительных мер от предупреждения до последствий нарушений норм международного права. Вопрос ответственности не допускает никакого влияния международных отношений и остается исключительно юридическим, каким он, собственно, и должен быть. Отдельным вопросом, которому в главе 5 отводится важное место, является вопрос о принуждении к исполнению обязательства — бесспорно существенном инструменте «горизонтального», «координационного» взаимодействия трансграничных акторов.

Междисциплинарное развитие вопроса о принуждении с использованием категорий и методов теории международных отношений, на наш взгляд, может получить дальнейшее развитие, по крайней мере, в двух аспектах.

Во-первых, категория теории международных отношений «accountability», переводимая на русский язык как «ответственность», но противопоставляемая формально-юридической ответственности «responsibility», «liability», уже прочно вошла в лексикон международного права. В частности, может ли приводимый Л. Н. Галенской пример Резолюции Совета Безопасности ООН 2565(2021) (с. 263), в которой пандемия коронавируса признается угрозой миру, но не содержатся конкретные предписания для государств, быть объяснен с помощью концепции неюридической ответственности?

Во-вторых, отдельным важным для теории международных отношений объектом исследования является процесс принятия решений властными акторами,

а также их легитимность. Может ли в этой части знание из смежной дисциплины международных отношений привести новые аргументы в теорию международного права?

Общие цели и ценности в транснациональном праве

Оставаясь в русле позитивистской традиции, Л. Н. Галенская формулирует теорию транснационального права как универсальную объективную и ценностно нейтральную. По этой понятной причине вне-правовые аспекты¹¹ в рамках теории сведены к минимуму. Вероятно, поэтому вместо анализа процесса принятия решений и трансформации легитимных решений в нормы права, который часто становится предметом исследований в рамках подобных междисциплинарных исследований, Л. Н. Галенская решает вопрос о пределах и основных направлениях саморегулирования в транснациональном праве. Эту важную для транснационального права функцию в теории выполняет категория «правовых принципов». Новизна такого подхода для отечественной теории международного права, как нам представляется, объясняет их возможную спорность.

Восприятие принципов как правовой категории позволило автору объединить разные по своим характеристикам и содержанию основные правила в международных отношениях. Л. Н. Галенская разделяет принципы как значимые правила поведения, то есть важные правовые нормы, стоящие в фундаменте правовой системы, и правовые идеи, которые не закрепились в праве, но отражают цели развития права (с. 40). Таким образом, введение понятия «категория» позволяет ей построить стройную позитивистскую систему транснационального права: «категории» отделяются от «идей», становясь нормами общего характера, и занимают определенное место в формальной иерархии (с. 40). На наш взгляд, такое восприятие принципов как общих правил поведения с позиции ценностной нейтральности легитимизирует транснациональное право как универсальную правовую систему, где нормы получают правовую силу от стоящих выше норм более общего значения, а не в силу значимости абстрактных идей.

Иного подхода придерживаются, например, Г. Кох и Р. Хиггинс, также исследующие международное право с использованием методов и категорий международных отношений. Так, Хиггинс рассматривает международное право как процесс принятия решений, транслируемых в форме правовых норм¹². Для Коха, продолжателя Нью-Хейвенской школы¹³ и автора концепции транснационального правового процесса, вопрос легитимности решений становится ключевым. Он отрицает ценностную нейтральность правового процесса и фокусируется на моменте принятия решений и условиях, при которых решения становятся легитимными и могут облачаться в правовую форму. К таким условиям он относит определенные ценностные установки, а также необходимость транслировать идеи общего блага и принимать решения, на него направленные¹⁴.

¹¹ На наш взгляд, термин «вне-правовые» отражает те аспекты, которые прочно связаны с регулированием международных отношений, но не являются правовыми и стоят вне права, влияя не него, в то время как категория «не-юридические» охватывает все множество идей, которые не являются правовыми и не обязательно связаны с ним. Но чтобы избежать путаницы, мы решили заменить непривычное для российского дискурса «вне-юридические», на «вне-правовые», которое активно используется в русскоязычной науке.

¹² *Higgins R. Problems and Process: International Law and How We Use It.* Clarendon Press, 1995. 304 p.

¹³ О школе см.: *McDougal M. S., Reisman W. M. The Prescribing Function in World Constitutive Process: How International Law is Made // Yale Studies World Public Order.* 1979. Vol. 6. P. 249–284.

¹⁴ *Koh H. H. Transnational legal process // Nebraska Law Review.* 1996. P. 206.

В системе Л. Н. Галенской строгое юридическое понимание такого метапринципа, как принцип саморегулирования, выполняет важную функцию: определяет содержание других принципов и ограничивает действия субъектов правовыми нормами и общепризнанными принципами (с. 21). Однако он не проясняет содержательно вопрос о том, как субъекты легитимизируют право. Для ответа на этот вопрос в правовую теорию, вероятно, потребовалось бы привнести больший объем знаний из других смежных наук, что, в свою очередь, могло бы поставить под угрозу автономность и нормативность права как объекта исследования.

Заключение

Л. Н. Галенская сформировала общую часть транснационального права, обозначив его основы и принципы, заложив фундамент для дальнейшего исследования отдельных и специальных вопросов. Важность привнесения подобного авторского подхода в российскую и русскоязычную науку международного права бесспорна.

Чтение книги «Правовое регулирование транснациональных отношений» Л. Н. Галенской является увлекательным занятием, так как автор, перестраивая полную противоречий классическую систему права, постоянно заставляет читателя вступать в диалог с выдвинутыми тезисами, тем самым держа его в захватывающем интеллектуальном напряжении. За умственные труды читатель получает в награду новую точку зрения на сложившуюся систему международных отношений и на регулирующее ее транснациональное право. Хочется верить, что вопросы и предложения, поставленные в тексте рецензии, в свою очередь, смогут стимулировать дальнейшее обсуждение проблем правового регулирования транснациональных отношений и вдохновить на новые исследования этой многогранной темы.

Статья поступила в редакцию 24 ноября 2022 г.
Рекомендована к печати 12 декабря 2022 г.

At the frontiers of the positivist approach to international law*

Ksenia D. Shestakova, Daniil S. Sechin

For citation: Shestakova, Ksenia D., Sechin, Daniil S. At the frontiers of the positivist approach to international law. *Pravovedenie* 66 (3): 347–354. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2022.308> (In Russian)

References

- Antontseva, Vera. A. 2019. International organizations as actors of modern international relations. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* 7–1: 87–90. (In Russian)
- Bianchi, Andrea. 2016. *International law theories: An inquiry into different ways of thinking*: 336. Oxford University Press.
- Cotterrel, Roger. 2012. What is transnational law? *Law & Social Inquiry* 37 (2): 500–524.
- Galenskaya, Ludmila N. 1995. Effect of General principles of international law in the field of private international law. *Zhurnal mezhdunarodnogo chastnogo prava* 4: 3–11. (In Russian)

* *Review of the book by L. N. Galenskaya "Legal Regulation of Transnational Relations"*. St Petersburg: St Petersburg University Press, 2022. 316 p.

- Galenskaya, Ludmila N. 1972. *International Fight with Crime*: 176. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
- Galenskaya, Ludmila N. 1968. *The Right of Asylum: International Legal Issues*: 128. Leningrad, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
- Galenskaya, Ludmila N. 1982. *Legal Status of Foreigners in the USSR*: 160. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
- Higgins, Roslyn. 1995. *Problems and Process: International Law and How We Use It*: 304. Clarendon Press.
- Hillgenberg, Hartmut. 1999. A fresh look at soft law. *European Journal of International Law* 10 (3): 499–515.
- Kuznetsov, Valeriy I., Tuzmukhamedov, Bakhtiyar R. (eds). 2010. *International law: textbook*: 720. Moscow, Norma Publ.; Infra-M Publ. (In Russian)
- Koh, Harold H. 1996. Transnational legal process. *Nebraska Law Review*: 181–207.
- McDougal, Myers S., Reisman, Michael W. 1979. The Prescribing Function in World Constitutive Process: How International Law is Made. *Studies World Public Order* 6: 249–284.

Received: November 24, 2022

Accepted: December 12, 2022

Ksenia D. Shestakova — PhD in Law, Associate Professor, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; k.shestakova@spbu.ru

Daniil S. Sechin — Postgraduate Student, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; d.sechin@spbu.ru